

Григорий Марк. Имеющий быть. Санкт-Петербург, Роспринт, 1996, 110 стр.

Мне не раз доводилось писать о Григории Марке, талантливом и оригинальном поэте из Петербурга. Сегодня он предлагает вниманию читателей книжку своей избранной прозы: рассказы ("Конец света", "Русские розенкрайцеры", "Свадьба" и другие), сборники афоризмов ("Из ненаписанного" и "Путеводитель по музею"), стихотворения в прозе и пьесу "Следствие закончено". Должен откровенно признаться, что проза русских поэтов после Пушкина всегда вызывала у меня естественные подозрения в ее вторичности. Однако опыты в прозе Григория Марка (может быть, за исключением пьесы) вполне сопоставимы с его стихами, расширяя и дополняя его творческую палитру.

Нам в эмиграции много доводится слышать о появлении в постсоветской России нового типа людей, "новых русских", как их называют. В этих условиях книжечка Марка является своего рода путеводителем, по-

зволяющим нам лучше понять этот тип людей, лучше, чем самая острая публистика или сообщение с ленты телетайпа. Поэтому под пером писателя так легко рушатся карточные домики новоиспеченных ультрабогачей, причудливо соединивших в себе амбиции старой советской элиты с замашками кинематографических мафиози, призрачных кукловодов, временных хозяев русской жизни. “Болят стихи, — жалуется их автор, — наверно, как у инвалида болит рука, оторванная взрывом”. Не потому ли так фантасмагорична проза Григория Марка, создателя и искусного дирижера целой армии фантомов. “Ты куда хамо грядеши?”, — спрашивает он и сам же себе отвечает: “Деревянное время, деревянная литература, деревянные деньги”. Подстать эпохе ее герои, чьи портреты одним взмахом пера нанизывает на “шпиль сталинского небоскреба” Григорий Марк, все эти министр транспорта “с добродушно-свирепым крестьянским лицом”, “небритые солдаты с автоматами наперевес, сосредоточенно (!) убивающие друг друга”, старая спиритуалистка “с чернильными пиявками бровей, шевелящихся на набальзамированном лице”, или взяточник-милиционер с “добродушно-стоеросовым лицом”.

Мастер поэтического каламбура, значительно расширяющего его творческие возможности (“ведь не матом единым жив человек”), Марк смело переносит свои лингвистические находки в прозу с ее “вздоровенным лженихом-суженым (книзу)” и “толстобрюстой молодухой” — невестой, “папой в законе” и “районным скобзарем” Серегой с целой толпой “плеченогих женщин”. Всем, даже самым метафорическим образом (“Ветер обнюхивает пустые скамейки, кряхтя, укладывается на землю и засыпает, уткнувшись в листья”) находится органичное место в прозе Марка. “Стих открыт и беззащитен”, — утверждает он. А потому “надо быстро себя обессмертить!” в компьютерный век, быстро стирающий, обезличивающий память об уходящих поколениях. Именно этим занят поэт, “загоняя стихи в прокрустову прозу”, призывая “обогащаться пролетариев банковского труда”, объявляя “всемирный конкурс на лучший проект Рая на Земле без участия коммунистов”, провозглашая “важнейшим из всех искусств живую литургию”.

Особенного внимания читателей заслуживает автопортрет автора в стихотворении в прозе “Имеющий быть”, давшем название всему сборнику, где “рассеянный времяубийца идет с каламбуром по жизни” в надежде, что его “стихи станут алиби для Страшного Суда”. Думается, что именно эта идея, явившаяся на свет в день смерти Иосифа Бродского, вполне применима к прозе отважного “словеласа” Григория Марка, еще ждущего своих читателей и почитателей. Не потому ли Марк столь дерзко

БИБЛИОГРАФИЯ

305

завершает свою книгу заколоченной дверью из своей творческой лаборатории с надписью “Выхода нет”.

*Иван Мартынов,
Нью-Йорк*